

Пролог

Пятница, 2 января 1976 года. Утро
Московская область, Комаровка

-ге-гей! — разнесся глуховатый голос Колмогорова, плутая среди распушившихся елочек и унылых, продрогших берез. — Догоняйте!

Ученики и редкие ученицы физматшколы загомонили, весело и звонко откликаясь. Наддали, шелестя лыжами. Радостные взвизги и ломкий отроческий хохот загуляли по лесу, множа таявшие эхо.

Я не спешил догонять и перегонять. Скользил по лыжне последним, наслаждаясь легчайшей стужей и отборно чистым воздухом. Впереди мелькала оранжевая куртка «ежихи» — так в ФМШИ звали учениц, постигавших вышмат в классах «Е» и «Ж».

«Ежиха» постоянно ойкала и теряла равновесие, хохоча над собственной неуклюжестью, а я методично работал палками, выдерживая дистанцию — потакал своей тяге к одиночеству.

Хотелось обдумать житие, расставить вехи на будущее. Ведь столько важных — важнейших! — вопросов толклось в голове, а мне всё некогда было сесть да рассудить. Целый год суету наводил, в прятки с Андроповым играл. Всё норовил сломать естественный ход исторического процесса. А стоило ли?

Нет, я прекрасно помню, как крайний генсек подался в изменники Родины, и не забуду разруху в «святые девяностые». Но разве распад СССР был случаен? Ведь наверняка в грозном крушении государства наблюдались и закономерности. А какие? А в чем?

Конечно, куда проще напрягать мышцы, чем извилины. Бегать от чекистов, слать подметные письма мешками, снимая исторические случайности вроде Афгана... А хватит ли твоих усилий, «бла-ародный дон Румата»?

Хорошо улитке на склоне Фудзи — ползи да ползи вверх, до самых высот! А остановит ли улитка неудержимый ход дорожного катка? Тормознет ли хоть на миг?

Льжи ширкнули, вписываясь в поворот. Заиндевевшие елочки переливались на солнце, блестя и сверкая белой морозной опушкой, как будто искусственные. «Ежиха» впереди пискнула, задевая ветку сосны, и снег осыпался, клубясь серебрищейся пылью.

«Всё-то ты знаешь, как не надо, — нудные мысли потянулись заново. — А как надо? Куда дальше двинет история, ты в курсе?»

Нет, в самом деле, на что полагаться? Ведь прогресс удалось-таки подпихнуть — запустилась цепная реакция перемен! Настоящее делается иным, хоть это и заметно лишь одному мне, а будущее заволакивается непроглядным туманом. Еще года два, от силы, и всё мое послезнание уподобится гаданиям цыганки.

Сделает товарищ Брежнев втык Гереку, раскрутится Восточный Общий рынок — и никуда Польша от нас не денется. Вразумит мой двойник Джеральда Форда — и тот пропишется в Белом доме на второй срок, послав Джимми Картера лесом. Раскинется Из-

ЦЕЛИТЕЛЬ. ПЯТИЛЕТКУ ЗА ТРИ ГОДА!

раиль от Суэцкого канала до самых, до окраин — и притянет арабов, как Штаты — мексиканцев...

«Нормально, Григорий? Отлично, Константин!»

Не слыша ойканья «ежихи», я поднажал. Заснеженные ели и сосны живей промахивали за спину, качая колючими лапами, словно болельщики вдоль лыжной трассы.

«А может, я просто выдохся? — думалось рывочками. — Притомился убежать, таиться, изворачиваться... Ну и правильно. Сколько можно? Ты бы лучше не ванговал, а товарища Староса радовал!»

Улыбка тронула губы, стоило вспомнить о Зеленограде, о тамошнем головастом народце, кудесах и диковинах.

«Вот «Турбо Паскаль» — это мое, — кивнул я своим мыслям. — Управлюсь за полгода. Хм. Если хорошенько постараюсь. И сервер доведу до ума, и редакторы...»

Впереди опять заголосили. Выехав на опушку, я увидел юных математиков, разлаписто штурмовавших пригорок. Они шумно карабкались наверх, вминая лыжами «елочки» на снегу, падали и хохотали, изнемогая от простейшего счастья жить, двигаться, ловить блеск девчоночьих глаз. И краснеть ничуть не стыдно, ведь все румяные!

Академик и сам заливался с «перевала», как царь горы. В синем спортивном костюме и шапочке с помпоном, он выглядел свежо и молодо. Гикнув, я скатился под уклон и погнал по хрусткой снежной целине в обход истоптанной и заезженной возвышенности.

Стоило мне отринуть «взрослые» рефлексии, как тут же в глубине моего естества затрепетал незатей-

ливый восторг. Солнце выбивало искры из шуршащего снега, и лыжи будто сами несли меня, послушные гибкому телу.

— Догоняйте! — натужно вытолкнул я, оставляя галдеж за спиной.

Снова один, но никого впереди, ни «ежа», ни «ежихи», и только лыжня укатывается в чащобу, виляя между стволов. Хорошо!

— Догнать! — азартно гаркает Колмогоров. — И перегнать!

«Ага... Щаз-з!»

Запорошенный снежной пылью, я бежал, наращивая темп, уворачиваясь от веток, рассекая солнечные лучи, как финишные ленточки...

* * *

— Привал!

Воткнув лыжи в пухлый снег, Колмогоров жадно дышал, вбирая льдистый воздух. Отстегнув крепления, я пристроил свои «Телеханы» у чахлой сосенки, поглядывая на академика. Андрей Николаевич перехватил мой взгляд и подмигнул:

— А ты еще идти не хотел! Тут всю гарь московскую выдохнешь, всю кабинетную пыль в лесу оставишь...

— А чай будет? — пропищала «ежиха» в оранжевой куртке, вся, с ботинок до шапочки, облепленная снегом.

— А как же! — бодро хмыкнул Колмогоров. — Котелок у кого?

— У меня! — вскинул руку худущий, нескладный парень с отсутствующим выражением на узком лице.

ЦЕЛИТЕЛЬ. ПЯТИЛЕТКУ ЗА ТРИ ГОДА!

— Во-он там родничок бьет! Говорят, даже в холода не замерзает... Не поскользлись только, а то наледь!

— Я осторожно...

— Ага... Заготавливаем дрова!

Наломав сухих веток, математики и математички разожгли костер. Огонь шустро разгорелся, жадно облизывая закопченное дно котелка. Время вышло — и запарило, бульки пошли. Академик щедро сыпанул чаю в бьющую ключом воду.

— По-походному! — ухмыльнулся он и плотоядно потер ладоши. — Накрываем стол, девчата!

«Накрыли» плоский валун, сметя с него снежный намет и постелив пару газет. Из тощих рюкзачков выгребали немудреное угощение — вареные яйца в трещинках, смачно пахнувшую колбаску, мятые пирожки, тонко нарезанное салыце, крохотные кунцевские булочки, плавленые сырки... Я открыл пару консервов — «Сельдь в желе» и «Кильку в томате».

— Налетай!

Если вы бывали когда-нибудь в лыжном походе, то знаете, какой разыгрывается аппетит. Съестное поглощалось чуть ли не с урчанием, а уж крепкий, терпкий чай «с дымком», да вприкуску с карамельками... Амброзия! Нектар!

Благодушествуя, я уселся на поваленный ствол, стряхнув снег с трухлявой коры. Рядом пристроился Колмогоров, спросил тихонько:

— Как там с... с графеном?

— Никак, — вздохнулось мне. — Голая идея. Со сверхпроводниками просто повезло — с ходу занялся купратами, угадал как бы. А графен... Тут с налету не взять. Я примерно представляю себе, как *показать*

моноатомный слой, но надо ведь *доказать*, что он таков, детально изучить свойства графена, строение! А тут нужна лаборатория, нужно... Да много чего нужно! Ну, физфак мне в помощь... Хочу закончить его экстерном.

— Понимаю, — серьезно кивнул академик. — Очень жаль времени.

— Да, — вздохнул я.

В принципе, и по математике можно пойти — там лаборатории и оборудование ни к чему. Все, что требуется, — бумага, карандаш и мозг. А «вкусных» задач хоть отбавляй — алгоритм Кармакара, кривые Безье, базисы Грёбнера, фракталы...

Но «технарское» прошлое дает себя знать — мне ближе нечто материальное. Мощные белые светодиоды, например, или арсенид галлия. Или полупроводниковый термоэлемент Пельтье. Ну, или графен. Его будущие первооткрыватели свалят на Запад, и Нобелевку свою получают как исследователи из Манчестерского университета. А вот мне ее вручат, как советскому ученому...

— Знаете, Миша. — Деловитый голос Колмогорова перебил восходящие мечты. — Везение или не везение, а приоритет в области высокотемпературных сверхпроводников — за советской наукой. И за вами лично. В общем... — Он широко улыбнулся. — Буду краток. От вас требуется интересная, занимательная статья о ВТСП в «Нейчур». Напишете?

— Да куда ж тут денешься? — Мне только и оставалось, что ухмыльнуться. — Цитируемость студенту не помеха!

Я взглянул на склоненное лицо Андрея Николаевича, овеванное мыслью, посмотрел на ребят, споря-

ЦЕЛИТЕЛЬ. ПЯТИЛЕТКУ ЗА ТРИ ГОДА!

щих о кварковой модели Гелл-Манна — Цвейга, и на меня будто теплым ветром пахнуло.

«Всё, я с ними! Никаких «писем счастья», никаких контактов с Юрием Владимировичем, Михаилом Андреевичем и Леонидом Ильичом! «Ностромо» больше нет. Баста!»

Меня всего охватило великолепное успокоение, и тут же, словно уравновешивая благо, бархатным буравчиком вкрутилась головная боль.

«Старею, — улыбнулся я. — Вот и мигрень пожаловала...»

Глава 1

Пятница, 2 января. Полдень Вашингтон, Белый дом

 Джек Даунинг, понурившись в гадкой интеллигентской привычке, рассеянно следил за президентом. Форд вышагивал от окна к камину и обратно, топчя драгоценный ковер Красной комнаты.

«Ну и обстановочка...» — мелькнуло у Даунинга.

Взявшись со скуки за ремонт, Жаклин Кеннеди переборщила с алыми шпалерами, придав залу для совещаний игривый оттенок будуара. И президент в интерьере выглядел несерьезно. Ни дать ни взять актеришка из провинциального театра.

Сложив руки за прямую спиной, сжав зубы и гоня желваки, Форд играл жесткого отца нации, а получалось напыщенно и старомодно.

Джек подавил улыбку. Не с ним, кадровым разведчиком, тягаться в лицедействе Первому Джентльмену! Тут даже разбор эмоций не надобен — от старины Джеральда веет раздражением и растерянностью, но причина такого настроения вовсе не провал миссии «Некст». Президента куда больше беспокоит, не потерял ли он лицо, как выражаются японцы. Ведь получается, что русские провели его, словно тупого фермера на ярмарке!

ЦЕЛИТЕЛЬ. ПЯТИЛЕТКУ ЗА ТРИ ГОДА!

Даунинг скосил глаза на Киссинджера. Этот умный и хитрый еврей, подмявший под себя Госдеп, был непробиваемо спокоен. Удобно раскинувшись на ампирном диване, Генри благодушно, с легкой флегмой следил за метаниями босса. А тот вдруг остановился и резко спросил, засовывая руки в карманы, отчего налет лоска тотчас же облез:

— Ваше мнение, Джек? Обо всей этой истории?

Даунинг медленно выпрямился. За последний месяц он насмотрелся всякого. Их трясло ФБР, выводя из себя нудными допросами, раскладывая дни и недели чуть ли не посекундно. Где был, что делал, с кем спал, о чем говорил. Кому именно? А сколько было свидетелей? Вспомните первую реакцию русского агента!

Джек успел пережить позор, и теперь лишь ждал окончания затянувшегося спектакля. Он загодя смирился с тем, что на его карьере поставлен жирный размашистый крест. Отставку Колби президент вот-вот примет, затем наступит его очередь...

Наверное, поэтому Даунинг, бывший куратор русского «перебежчика», не испытывал опасений — хуже точно не будет.

— Сэр, — заговорил он спокойно и устало, — я бы обратил ваше внимание на один очевидный факт: поражение в тайной войне потерпели не мы, а русские. Да, мы повелись, приняв агента КГБ за настоящего Миху, но и сами же раскрыли обман, вычислили истину! Разумеется, все эти соображения не обеляют ни меня, ни Фултона, ни Колби. Мой немудреный анализ всего лишь подводит к элементарному вы-

воду — русские чекисты сами до сих пор ищут предиктора! В ином случае КГБ не стал бы засылать его копию...

— Полностью согласен с Джеком! — неожиданно вмешался Киссинджер. — Не могу себя назвать спецом, познавшим загадочную русскую душу, но кое в чем я таки разбираюсь. Если бы Миха находился в руках Андропова, то КГБ никогда и ни при каких обстоятельствах не поделился бы с нами знанием будущего. Но коли уж русские пошли на это, то вся постановка со Лже-Михой есть не что иное, как операция прикрытия! Миха за год с небольшим стал новым фактором силы. Как минимум трое членов Политбюро пользуются его... м-м... подсказками, выверяя курс партии — и ослабляя наши позиции. Простите, Джек, что перебил...

— Да, КГБ просто отвлек наше внимание от собственных поисков, — продолжил Даунинг, отмахнувшись от извинений. — И заметьте, сэр: все предсказания, которые дошли до нас, сбылись полностью и в точности! Уверен, что и те рекомендации, которые агент, представлявшийся Михой, передал вам вот в этой самой комнате, также являются правдой. Я просто убежден в этом, сэр. На сто процентов! Ну какой интерес русским наносить урон? Напротив, они получают прямую выгоду от вашего избрания! Находясь на волне благодарности и доверия, вы могли бы... ну, не знаю... расширить сотрудничество с СССР, продолжить курс на разрядку международной напряженности... А вот потом и могла бы начаться игра! Допустим, вы бы встретились с Брежневым в Ялте и негласно поделили мир на сферы влияния... Возможно даже, что нас стали бы дозированно инфор-

ЦЕЛИТЕЛЬ. ПЯТИЛЕТКУ ЗА ТРИ ГОДА!

мировать о будущих событиях — о ценах на нефть, к примеру, или о дате смерти Мао Цзэдуна. Поэтому я по-прежнему остаюсь резко против тактики, выбранной Колби и нашим ленинградским резидентом. Да, мы должны были узнать, кто есть кто, но зачем же раскрывать этого русского? Пусть бы и дальше отыгрывал свою роль — под нашим постоянным контролем! По-моему, так.

Джеральд Форд заметно успокоился, повеселел даже.

— Будем считать, Джек, что вы меня убедили, — добродушно проворчал он. — Прощение об отставке Колби я уже подписал, а вам следует завтра же вылететь в Москву. Замените Фултона в должности нашего резидента.

Сердце Даунинга пропустило удар — и заколотилось, толкая кровь к щекам.

— Допущенные ошибки надо исправлять! — Холевая ладонь президента звонко шлепнула по мраморной каминной доске. — Коли уж Миха остался в СССР и по-прежнему неуловим, ваш долг, Джек, отыскать его первым!

Суббота, 3 января. Перед обедом Московская область, Архангельское

Черная «Волга» плавно подкатила к госдаче маршала Советского Союза. Не оборачиваясь, водитель пристально глянул на пассажира в зеркальце и кивнул.

— Я быстро, — буркнул офицер-ликвидатор, рассевшийся на заднем сиденье.